

Философія Григорія Саввича Сковороды, украинскаго философа XVIII столѣтія.

(Окончаніе).

Практическая философія Сковороды.

Раньше говорилось объ общечеловѣческомъ нравственномъ идеалѣ, къ которому одинаково должны стремиться всѣ въ своей нравственной жизни, какъ къ совершенству. Практическая философія имѣетъ своимъ предметомъ, главнымъ образомъ, личное благо каждаго человѣка.

По нашему мнѣнію, сочиненія Сковороды, относящіяся къ практической философіи, представляютъ для изучающаго ихъ наибольшій интересъ. И читаются они съ большимъ интересомъ: содержаніе ихъ вращается въ области житейскихъ вопросовъ, близкихъ каждому, хотя въ то же время въ основѣ ихъ положены философскія начала; изложеніе ихъ—легкое и живое, отличающееся нерѣдко остроуміемъ. Если и встрѣчаются здѣсь тексты изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, то далеко не такъ часто, какъ въ сочиненіяхъ философско-богословскаго характера. Сюда относятся главнымъ образомъ слѣдующія сочиненія Сковороды: „Разговоръ дружескій въ душевномъ мирѣ“, „Разговоръ, называемый Алфавитъ и Букварь мира“, „Басни Харьковскія“ и друг.

Практическая и умозрительная философія находятся, по взгляду Сковороды, въ тѣсной связи между собою. Онъ, какъ послѣдователь древне-классической философіи школы

Сократа, осуждаетъ тѣхъ, которые ограничиваются однимъ умозрѣніемъ и знаніемъ безъ приложенія послѣдняго къ практикѣ. „Что пользы знать,—говоритъ онъ,—какимъ образомъ дѣлается дѣло, если ты къ тому не приобьѣ. Узнать не трудно, а трудно привыкнутьъ. Наука и привычка есть то же. Она не въ знаніи живетъ, а въ дѣланіи. Вѣдѣніе безъ дѣла есть мученіемъ... Вотъ чѣмъ разнится scientia et doctrina (знаніе и наука) („Басни Харьковскія“). Съ другой стороны, и жизнь безъ знанія пуста, безцѣльна, часто ложна въ направленіи, погружена въ погоню за страстями, въ смуту, полна суевѣрій, предразсудковъ и проч. „Подлинно удивленія достойно,—говоритъ Сковорода,—что человѣкъ за 30 лѣтъ живетъ, а примѣтитъ не могъ, что для него лучше всего“ („Разговоръ о душевномъ мирѣ“). Правда, Сковорода допускалъ, повидимому, возможность доброй, отвѣчающей назначенію человѣка жизни безъ знанія, но—лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Такую возможность онъ представилъ въ „Неграмотномъ Маркѣ“ (басня). „Добрался,—говоритъ онъ,—этотъ неграмотный Марко до рая. Вышелъ Петръ съ ключами и, отверзая ему райскія двери, спрашиваетъ: учился ли ты священныхъ языковъ?—Никакъ, отвѣчалъ простякъ. — Былъ ли въ академіяхъ? — Никогда, отче святой. — Челъ ли древнихъ богослововъ книги? — Не челъ; я аза въ глаза не знаю. — Кто-жь тебя исправилъ на путь мира? — Меня исправили три регулки. — Кіи три регулки? — А вотъ они: 1-я сія: все то доброе, что опредѣлено и святымъ людямъ; 2-я: все то невелико, что получаютъ и беззаконники; 3-я: чего себѣ не хочешь, другому не желай. 1-я и 2-я—домашнія и я самъ ихъ надумалъ, а 3-я—есть апостольскій законъ, для всѣхъ языковъ данный. 1-я родила во мнѣ Іовле терпѣніе и благодарность; 2-я дарила свободою всѣхъ мірскихъ вожделѣній; 3-я примирила меня съ внутреннимъ моимъ господиномъ“ („Разговоръ о душевномъ мирѣ“). Но вообще, относительно доброй и счастливой жизни Сковорода ставитъ дѣло такимъ образомъ, что во главѣ ея должны стоять знаніе и мудрость. „Голова дѣлу,—

говорить онъ,—то, чтобъ узнать; отсюда родится желаніе, отъ желанія—искъ, а потомъ—полученіе... Премудрости дѣло въ томъ состоитъ, чтобы уразумѣть то, въ чемъ состоитъ счастье. Вотъ правое крыло. А добродѣтель трудится сыскать. По сей причинѣ она у Еллинъ и Римлянъ мужествомъ и крѣпостію зовется: ἀρετή, virtus. Вотъ—и лѣвое. Безъ сихъ крылъ никоимъ образомъ нельзя выбратъ и взлетѣть къ благополучію. Премудрость,—какъ орлиное крыло, а добродѣтель—какъ мужественныя руки съ легкими оленьими ногами. Сіе божественное супружество живо изображено сею басенкою (слѣдуетъ басенка „о слѣпомъ и очитомъ“, т.-е. зрячемъ). „Вообрази себѣ, что видишь путника, возлѣ пути сидящаго. Живое око его съ веселою жадностію взираетъ на замокъ. Этотъ замокъ есть домъ отца и всей миролюбимой фамиліи. Но бѣда для путника та, что хотя онъ и хорошо видитъ, но не имѣетъ ни рукъ, ни ногъ. Вдругъ онъ видитъ: приближается къ нему другой путникъ—слѣпой, который ощупываетъ посохомъ то вправо, то влѣво. „Кто ты?“—спросилъ зрячій.—„Мать моя,—отвѣчаетъ слѣпой,—сослала въ ссылку, родила безъ очей, а я возвращаюсь къ отцу моему“. Оказалось, что оба они—родные братья и цѣль путешествія обоихъ—достигнуть отцовскаго замка. Если слѣпой жаловался на мать (разумѣй матерію), то зрячій жаловался на отца (разумѣй умъ); „мой отецъ такъ меня родилъ, что по землѣ ходить не могу, ни ползать руками. Многіе желали къ сему меня употребить, но не рожденъ ползать“. Рѣшено было между братьями, что слѣпой возьметъ на плѣчи зрячаго и тотъ будетъ указывать путь и руководить слѣпымъ. „Чистое твое око будь, говоритъ слѣпой, вѣчнымъ тѣла моего обладателемъ и всѣхъ моихъ удовъ головой. Прекрати мучительство началородной тьмы, безчеловѣчно меня гоняющей по пустымъ пути сего посторонностямъ“ и т. д. „Теперь взгляните,—говоритъ Сковорода,—на дивное дѣло Божіе. Изъ двоихъ человѣковъ составленъ одинъ. Одно путничье лицо слѣлано изъ двоихъ сродностей безъ всякаго смѣшенія, но и безъ раздѣленія,

взаимно служащих". Такимъ образомъ, до очевидности ясно, какъ представлялъ Сковорода отношеніе между знаніемъ и мудростію, съ одной стороны, и практическою дѣятельностію человѣка, съ другой стороны; знаніе есть свѣтъ и око, указывающее истинный путь жизни человѣку.

Науки, которыя имѣютъ своимъ предметомъ человѣка и которыя необходимо изучать съ практическою цѣлію, „суть въ числѣ три: медицина, юриспруденція и богословіе“. „Медицина,—говоритъ Сковорода,—врачуеъ тѣло; юриспруденція страхомъ приводитъ каждаго къ должности, а богословіе изъ рабовъ дѣлаеъ сынами Божіими, вливая въ сердце ихъ охоту свободную къ тому, къ чему гражданскіе законы силою волокутъ. Чѣмъ множае таковыхъ въ жительство, тѣмъ оно счастливѣе. И не напрасно есть пословица: доброе братство лучше богатства“ („Басни Харьковскія“). Изъ указанныхъ трехъ главнѣйшихъ наукъ, „содержащихъ въ благоденствіи жительство“, Сковорода беретъ изложить только богословіе, „дѣлающее изъ рабовъ сыновей Божіихъ“.

Спѣшимъ предупредить читателя, что Сковорода въ данномъ мѣстѣ употребляетъ терминъ „богословіе“ не въ обыкновенномъ принятомъ смыслѣ, а въ философскомъ. Здѣсь у него трактуется „о жизни по природѣ“, какъ объ этомъ трактовали древніе философы,—„о высшемъ благѣ“, какъ трактовали тѣ же философы,—„о любви и дружбѣ“ и т. д. Почему Сковорода назвалъ эту науку богословіемъ, это выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія; а здѣсь скажемъ кратко: это названіе связано съ пантеистическимъ міровоззрѣніемъ Сковороды, которое объяснено нами въ своемъ мѣстѣ. „Не вездѣ ли,—говоритъ Сковорода,—присно-сущнаго Божія естества исполненіе? *Есть оно и во всякомъ человѣкѣ*“ („Разговоръ: Алфавитъ и Букварь мира“). Съ этой точки зрѣнія, говорить о божественной природѣ человѣка значитъ говорить о Богѣ, насколько божественное естество выражается и дѣйствуетъ въ человѣкѣ.

Какъ послѣдователь классической философіи, Сковорода начинаеъ свою практическую философію съ рѣшенія во-

проса о томъ, въ чемъ состоитъ „высшее благо“, или счастье человека.

Мы имѣемъ подъ руками два сочиненія Сковороды, специально посвященныя изслѣдованію и разсмотрѣнію поставленнаго вопроса. Оба сочиненія носятъ одно заглавіе: „Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ“. Одно изъ нихъ напечатано въ Москвѣ въ 1837 году; другое—рукописное. При одинаковомъ заглавіи и содержаніи—эти сочиненія весьма различны. Одно изъ нихъ (напечатанное) отличается отъ другого болѣе догматическимъ изложеніемъ содержанія, хотя и носитъ заглавіе разговора. Другое (рукописное), напротивъ, отличается художественною діалогическою формою, живостью изложенія, богатствомъ содержанія и остроуміемъ. Повидимому, этотъ „Разговоръ“ представляетъ собою подражаніе діалогу Платона: „Филебъ“, хотя содержаніе развито у Сковороды своеобразно. По нашему мнѣнію, это сочиненіе и по содержанію, и по изложенію—одно изъ лучшихъ сочиненій Сковороды. На немъ-то мы по преимуществу и остановимся.

Науку: „о высшемъ благѣ“, или счастья человека Сковорода называетъ всеобщею наукою. Она, говоритъ онъ, есть *каволическая*, т.-е. всеобщая наука, чего ни о какой другой (наукѣ) сказать нельзя. Всѣ прочіи науки не всѣми, не всегда и не на все и не вездѣ нужны“ („О душевномъ мирѣ“, стр. 14). Но объ этой наукѣ большею частію не имѣютъ яснаго представленія. О счастья человека всякій считаетъ себя вправѣ судить и судить обыкновенно по-своему, воображая, что судить правильно. „Ни о коей же наукѣ чаще и отважнѣе не судятъ,—говоритъ Сковорода,—какъ о той, кая дѣлаетъ блаженнаго человека“. „Правда,—продолжаетъ онъ,—что говорить и испытывать похвально, но усыновлять себѣ вѣдѣніе—сіе дурно и погибельно“ (тамъ же). Особенно порицаетъ Сковорода мнѣнія о человеческомъ счастьи представителей различныхъ специальныхъ наукъ, высказываемыя наиболѣе докторально и авторитетно. Изъ нихъ многіе или полагаютъ, что счастье человека заключается въ знаніи

ихъ специальной науки, напр., „проповѣдуетъ о счастіи историкъ, благовѣститъ химикъ, возвѣщаетъ путь счастія физикъ, логикъ, грамматикъ, землемѣръ“ и т. д. (тамъ же, стр. 15); или воображаютъ, что они настолько же свѣдущи въ наукѣ о счастіи человѣка, насколько—и въ своей специальной наукѣ: „если кто въ какую науку влюбился и прославился, тогда мечтаетъ, что всякое уже вѣдѣніе отдано ему за невѣстою его въ приданое“ (тамъ же, стр. 14).

Подобно Платону, Сковорода сначала опровергаетъ ложные взгляды на человѣческое счастіе. На поставленный вопросъ: въ чемъ состоитъ истинное счастіе, или: „что такое есть для человѣка лучше всего?“ сначала собесѣдники затруднились и отказались отвѣчать. Но когда Григорій, который вызвался вести разговоръ, сказалъ: „я васъ проше спрошу: чего вы себѣ въ жизни паче всего желаете?“—одинъ изъ собесѣдниковъ отвѣтилъ: „я бы желалъ быть человѣкомъ высокочиновнымъ, дабы мои подкомандные были крѣпки, какъ Россіяне, и добросердечны, какъ древніе Римляне; когда-бъ у меня домъ былъ, какъ въ Венеціи, а садъ, какъ во Флоренціи; чтобы быть мнѣ и разумнымъ, и ученымъ, и благороднымъ, богатымъ, какъ жидъ, дюжимъ, какъ быкъ, пригожимъ, какъ Венера, спокойнымъ, какъ однодворецъ“ („Разговоръ о душевномъ мирѣ“ въ рукописи). На это Григорій отвѣтилъ: „сумнительно, чѣмъ бы могли войти въ уши Божіи столь безтолковія желанія; ты съ твоими затѣями похожъ на вербу, которая быть желаетъ въ одно время и дубомъ, и кленомъ, и липою, и березою, и смквиною, и яворомъ, и финикомъ, и розою, и рутою, солнцемъ и луною..., хвостомъ и головою“. Желанія другого собесѣдника представляютъ лишь нѣкоторое видоизмѣненіе желаній перваго.—„Для меня, говорить онъ,—кажется лучше всего то, если быть во всемъ довольнымъ... на деньги, на землю, на здоровье, на людей и на все, что только ни есть на свѣтѣ“. Это невольно вызвало смѣхъ у говорившаго первымъ, который на вопросъ: чего ты засмѣялся, отвѣтилъ: „отъ радости, что случился дурачеству моему товарищъ.

Сей такъ же желаетъ быть горбатымъ, какъ верблюдъ, брюхатымъ, какъ китъ, носатымъ, какъ крокодилъ, пригожимъ, какъ хортъ, аппетитнымъ, какъ кабанъ“ и проч. Григорій же серьезно замѣчаетъ, что онъ желаетъ нелѣпаго. „Представь,—говоритъ онъ,—себѣ тѣхъ, коимъ никогда не видать изобилія; вообрази больныхъ и престарѣлыхъ. Приведи на память всѣхъ съ нескладнымъ тѣломъ рожденныхъ; неужель ты думаешь: премилосердная и попечительная мать наша натура затворила всѣ двери къ счастью, сдѣлалась для нихъ мачехою? Ахъ, пожалуй, не стѣсняй мнѣ премудраго ея промысла въ узкіи предѣлы; не клевети на всемогущее ея милосердіе; она для всякаго дыханія добра, не для нѣкоторыхъ выборныхъ изъ одного точію человѣческаго рода. Она рачительнѣйшимъ своимъ промысломъ все тое изготовила, безъ чего не можетъ совершиться послѣдняго червяка счастье; а если чего недостаетъ, то конечно лишнее. Очей не имѣетъ кротъ,—на что-жь ему? Птица не знаетъ корабельнаго строенія,—не надобно, а кому надобно, знаетъ. Лилія не знаетъ фабрикъ,—она и безъ нихъ красна“. Съ другой стороны, „почему знаешь,—продолжаетъ Григорій,—что полученіе твоего желанія тебе осчастливитъ? Справься, сколько тысячъ людей оное погубило; до коихъ пороковъ не приводитъ здравіе съ изобиліемъ. Цѣлыя республики чрезъ оное пропали. Какъ же ты изобилія желаешь, какъ счастья? *Счастье несчастливцами не дѣлаетъ*. Не видишь ли и теперъ, сколь многихъ изобиліе, какъ наводненіе всемірнаго потопа, пожерло; а души ихъ чрезмѣрными затѣями, какъ мельничніи камни, сами себя снѣдая, крутятся? Кто не желаетъ честей, серебра, волостей? Вотъ тебѣ источникъ ропотъ, жалобъ, печалей, враждъ, тяжбъ, войнъ, грабленій, татбы, всѣхъ машинъ, крючковъ и хитростей; изъ сего родника родятся измѣны, бунты, заговоры, похищенія скипетровъ, паденія государствъ и вся несчастій бездна“.

На просьбу собесѣдниковъ сказать, въ чемъ состоитъ истинное счастье, Григорій предлагаетъ сначала узнать, въ

чемъ оно не состоитъ. „Можно ли,—говорить онъ,—всѣмъ людямъ быть живописцами, архитекторами? Можно ли быть всѣмъ изобильными или чиновными, дюжими или пригожими? Можно ли помѣститься во Франціи? Можно ли въ одномъ вѣкѣ родиться?—Нельзя никакъ. Видите, что *родное счастье ни въ знатномъ чинѣ, ни въ тѣлесныхъ дарованіяхъ, ни въ красной странѣ, ни въ славномъ вѣкѣ, ни въ высокихъ наукахъ, ни въ богатомъ изобиліи*“. Это вызвало протестъ одного изъ собесѣдниковъ; развѣ въ знатномъ чинѣ и въ веселой странѣ нельзя быть счастливымъ? „Ты уже на другую сторону, какъ пьяный ляхъ чрезъ кобылу, перескочилъ,—говоритъ Григорій.—Еслибы страна существомъ или эссенціею счастья была, непременно нельзя бы не быть всѣмъ счастливымъ; во всякой странѣ есть счастливый и несчастливый“.

Наконецъ, одинъ изъ собесѣдниковъ говоритъ: „для меня, кажется, нѣтъ ничего лучшаго, какъ получить мирное и спокойное сердце; въ то время все пріятно и сносно“. Другой говоритъ: „я желалъ бы въ душѣ моей имѣть толь твердую крѣпость, дабы ее ничто поколебать и опрокинуть не могло“. Третій говоритъ: „а мнѣ дай живую радость и радостную живость; сего сокровища ни за что не промѣняю“. „Сии троихъ васъ желанія,—говоритъ четвертый,—по существу своему есть одно... Вотъ вамъ верхушка и цвѣтокъ всего житія вашего: *внутренній миръ, сердечное веселіе, душевная крѣпость*“.

Итакъ, счастье человѣка состоитъ въ душевномъ мирѣ, сердечномъ веселіи и душевной крѣпости. Какъ же достигнуть этого счастья? „Враги твои,—говоритъ Сковорода,—суть собственныя твои мнѣнія, воцарившіяся въ сердцѣ твоёмъ и всеминутно тое мучащія. Шепотники, клеветники и противники Божіи, хулящія непрестанно владычное въ мірѣ правленіе и древнѣйшіе законы обновить покушающіися, сами себе во тьмѣ и согласниковъ своихъ вѣчно мучащія, видя, что правленіе природы во всемъ не по бѣсноватымъ ихъ желаніямъ, ни по омраченнымъ понятіямъ, но по высочайшимъ отца нашего совѣтамъ и вчера и днесъ и во вѣки

свято продолжается. Сіи-то не разумѣюще хулять распоряженіе круговъ небесныхъ, оуждають качество земель, порочать изваяніе премудрой Божіей десницы въ звѣряхъ, древахъ, горахъ, рѣкахъ и травахъ; *ничѣмъ не довольны*. По ихъ несчастному и смѣшному понятію не надобно въ мірѣ ни ночи, ни зимы, ни старости, ни труда, ни голоду, ни жажды, ни болѣзней; а паче всего—смерти; къ чему она? Ахъ, бѣдное наше знаньицо и понятійцо!“ Еще больше жалобъ у людей на ихъ собственное положеніе. Одинъ, на-примѣръ, безпокоится тѣмъ, что не въ знатномъ домѣ, не съ пригожимъ родился лицомъ и не нѣжно воспитанъ. Другой тужить: хотя идетъ путемъ невиннаго житія, однако многіе какъ знатные, такъ и подлые ненавидятъ его и хулятъ, называя отчаяннымъ, негоднымъ, лицемѣромъ. Третій кручинится, что не получилъ званія или мѣста, которое могло бы ему поставить столъ изъ десятка блюдъ, а теперь только что изъ шести блюдъ изволить кушать. Четвертый мучится, какимъ бы образомъ не лишиться, правда, мучительнаго, но притомъ и прибыльнаго званія, дабы въ праздности не умереть отъ скуки, не разсуждая, что нѣтъ полезнѣе и важнѣе, какъ богомудро управлять не внѣшнею, домашнею, а внутреннею душевною экономіею, т.-е. узнать себе и сдѣлать порядокъ въ сердцѣ своемъ. Пятый терзается, что чувствуя въ себѣ способность къ услугѣ отечеству, не можетъ за множествомъ кандидатовъ пробраться къ принятію должности, будто одни чиновные имѣють случай быть добродѣтельными и будто услуга разнится отъ добраго дѣла, а доброе дѣло отъ добродѣтели. Шестой тревожится, что начала предъявляться въ его волосахъ сѣдина, что приближается часъ отъ часу съ ужасною арміею немилосердная старость, что съ другимъ корпусомъ за нею слѣдуетъ непобѣдимая смерть, что начинается ослабѣвать все тѣло, при-тупляются глаза и зубы, не въ силахъ уже танцовать, не столько много и вкусно пить, ѣсть и проч. Но можно ли счесть несчетныя тмы нечистыхъ духовъ и черныхъ воровъ, или (съ Павломъ сказать) духовъ злобы поднебесныхъ,

по темной и неограниченной безднѣ—по душѣ нашей—будто по пространѣйшемъ воздухѣ, шатающихся? Сіи всѣ—еще не исполины, но саміи бездѣльниі, какъ собачки постельниі, душки; однако-жъ дѣйствительно колеблютъ наше неискusstное въ битвѣ и не вооруженное совѣтами сердце. Самый послѣдній бѣсишка тревожитъ нашъ неукрѣпленный городокъ. Что-жъ, если дѣло дойдетъ до львовъ? Въ борьбу съ „нечистыми духами и черными воронами“, т.-е. съ нашими собственными мнѣніями, „всминутно насъ мучащими“, мы должны вступить, чтобы достигнуть своего внутренняго душевнаго мира. „Тѣлесное здравіе,—говоритъ Сковорода,—не иное что есть, какъ равновѣсіе и согласіе огня, воды, воздуха и земли, а умирение бунтующихся мыслей есть здравіе души и животъ вѣчный“. Нельзя ссылаться на трудность борьбы. „Трудно одѣть и питать тѣло, да надобно и нельзя безъ сего; въ семъ состоитъ жизнь тѣлесная, никто о семъ трудѣ каяться не долженъ; а безъ сего упадетъ въ тягчайшую горестъ, въ голодъ, холодъ, жажду и болѣзни. Если украшаешь и одѣваешь тѣло, не забывай и сердца“. На этомъ пути къ душевному миру требуется прежде всего здравый смыслъ, свободный отъ предвзятыхъ воззрѣній, и зрѣлое разсужденіе о природѣ. „О всемъ зрѣлымъ разумомъ разсуждайте,—говоритъ Сковорода,—не слушая шепотника-дьявола, и уразумѣете, что *вся экономія Божія во всей вселенной исправна, добра и вѣкъ намъ всеполезна есть*. Его именемъ и властію все на все на небеси и на земли дѣлается“. А это приведетъ къ тому, „чтобъ *отдаться во волю Божию*“. Вотъ фундаментъ нашего внутренняго мира, а виѣстѣ съ тѣмъ и основаніе нашего счастья или высшаго блага. „Чѣмъ кто согласнѣе съ Богомъ,—говоритъ Сковорода,—тѣмъ мирнѣе и счастливѣе“.

Мы кратко изложили содержаніе „Разговора о душевномъ мирѣ“ Сковороды. Выводъ изъ изслѣдованія, который, какъ заключительный, сейчасъ приведенъ нами, легко можетъ подать поводъ къ превратному пониманію практической философіи Сковороды. Поэтому необходимо перейти къ озна-

комленію съ другимъ его сочиненіемъ, подъ заглавіемъ: „Разговоръ, называемый Алфавитъ и Букварь мира“, которое, повидимому, составляетъ продолженіе сейчасъ изложеннаго нами сочиненія: „Разговоръ о душевномъ мирѣ“. Здѣсь тотъ же Григорій, который вызвался вести разговоръ въ изложенномъ сочиненіи, снова выступаетъ руководителемъ разговора и послѣ нѣкотораго вступленія начинаетъ съ того положенія, которое получилось въ выводѣ изслѣдованія вопроса о счастіи человѣка. „Раскусимъ,—говоритъ онъ, нѣсколько слово сіе: отдаться въ волю Божию. Вспомните сказанное мною слово сіе: чѣмъ кто согласнѣе съ Богомъ, тѣмъ мирнѣе и счастливѣе. Сіе значитъ: *жить по натурѣ*“ („Разговоръ: Алфавитъ мира“).

Для насъ достаточно послѣдняго указанія Сковороды на то, что онъ разумѣетъ подъ выраженіемъ: *отдаться въ волю Божию*, чтобы понять, что онъ употребилъ его не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляютъ его проповѣдники-моралисты. Всякому извѣстно, что ученіе „о жизни по природѣ“ (*secundum naturam vivere*) принадлежало въ древности стоикамъ; но о немъ трактовали философы раньше стоиковъ: циники, киренаики, Платонъ, Аристотель и другіе. Мы не разъ уже замѣчали, что Сковорода находится въ зависимости отъ древне-классической философіи. Въ его „Разговорѣ о душевномъ мирѣ“, содержаніе котораго вкратцѣ изложено нами, видно то же вліяніе древне-классической философіи: здѣсь Сковорода въ духѣ этой философіи ставитъ цѣль жизни человѣка въ достиженіи счастія или высшаго блага въ настоящей жизни; здѣсь высказываются имъ положенія, которыя напоминаютъ намъ положенія древнихъ философовъ: напримѣръ, положеніе, что „счастіе несчастливимъ не дѣлаетъ“ (Платонъ, Спевзиппъ, Аристотель), что счастіе или „удовольствіе доступно не одному человѣку, но и всѣмъ живымъ существамъ по мѣрѣ ихъ силъ и способностей“ (Аристотель, Никомах. Этика, книг. X); положеніе, что счастіе человѣка состоитъ въ „душевномъ мирѣ, сердечномъ веселіи и душевной крѣпости“, сходно съ опредѣленіемъ счастія

или высшаго блага, даннымъ стоиками. Можно усматривать сходство этого ученія съ ученіемъ ап. Павла. Дѣйствительно, Сковорода вообще любитъ приводить мѣста изъ посланій ап. Павла. Но не безызвѣстно, что ап. Павелъ нерѣдко пользовался терминологіею стоиковъ, приспособляя ее къ выраженію христіанскихъ идей и видоизмѣняя ее согласно съ этими идеями. Въ данномъ случаѣ не нужно забывать и вліянія Филона Іудейскаго на Сковороду, которое раскрыто нами въ своемъ мѣстѣ.

„Жить по природѣ“ и „отдаться въ волю Божию“ — эти два положенія означаютъ одно и то же, по объясненію Сковороды. Разница между ними та, что одно изъ нихъ относится къ умозрительной философіи, а другое — къ практической. Отождествляя ихъ, Сковорода ясно показываетъ, на какой почвѣ онъ находитъ возможнымъ рѣшеніе вопросовъ, относящихся къ практической философіи. Эта почва есть умозрительная философія. Мы убѣдимся въ этомъ въ послѣдствіи; но первоначально дѣло представляется въ иномъ видѣ, а именно: Сковорода изучаетъ природу съ тѣмъ, чтобы опредѣлить, какъ человѣкъ долженъ „жить по природѣ.“

Мы уже не разъ встрѣчались съ различными мѣстами изъ сочиненій Сковороды, въ которыхъ онъ дѣлаетъ богатыя сравненія свойствъ человѣка съ свойствами различныхъ звѣрей и птицъ. Такими сравненіями переполнены сочиненія Сковороды. Уже это показываетъ знакомство Сковороды съ животнымъ царствомъ. Мы думаемъ, что къ необходимости изученія животнаго царства привело его прежде всего чтеніе Библии, въ которой онъ нерѣдко наталкивался на указанія различныхъ животныхъ. Такъ какъ въ библейскихъ животныхъ онъ видѣлъ символы или образы, то отъ свойствъ и признаковъ этихъ животныхъ онъ переходилъ къ внутреннему смыслу, заключающемуся въ этихъ символахъ или образахъ. Въ сочиненіяхъ Сковороды нерѣдко фигурируютъ: змѣй, голубица, олень, орелъ и т. д.

На изученіи природы онъ основалъ ученіе *о сродностяхъ и несродностяхъ*, которое, повидимому, составляетъ обобщеніе

ніе изъ наблюденія надъ природою: землѣ и водѣ сродно стремиться внизъ, но не воздуху и огню, которые поднимаются вверхъ; орлу сродно летать, но не черепахѣ; соловью сродно жить въ саду, но не жаворонку; собакѣ сродно стеречь овецъ, но не волку, и т. д. Гдѣ же основаніе этой сродности? Въ волѣ Божіей. „Воля Божія,—говоритъ Сковорода,—есть то верхъ и законъ законовъ; не ходи далѣе... А ты спрашиваешь: почему сродно? Сирѣчь: потому такъ Богъ хошетъ... А если долженъ Онъ тебѣ дать отчетъ въ дѣлахъ Своихъ, спроси Его и требуй отвѣтъ: почему Онъ землю и воду сдѣлалъ преклонными долой, воздухъ и огонь стремительными выспрь? Для чего огонь все снѣдаетъ кромѣ виссона? и т. д. *Природа и сродность значитъ врожденное Божіе благоволеніе и тайный Его законъ, всю тварь управляющій*“.

На указанномъ принципѣ „сродности и несродности“ Сковорода основалъ большую часть „Басенъ Харьковскихъ“. Для примѣра приведемъ здѣсь нѣсколько изъ этихъ басенъ. Басня 13-я подъ заглавіемъ: „Орелъ и черепаха“ излагается такъ: „на похиломъ надъ воду дубѣ сидѣлъ орелъ, а въ близости черепаха своей братіи проповѣдывала слѣдующее: пропадай оно лѣтать... Покойная наша прабаба, дай Богъ ей царство небесное, на вѣки пропала, какъ видно въ исторіяхъ, за то, что сей проклятой наукѣ начала было у орла обучаться. Самой сатана оную выдумалъ.—Слушай ты, дура!—прервалъ ея проповѣдь орелъ:—не чрезъ то погибла премудрая твоя прабаба, что летала, но тѣмъ, что принялася за оное *не по природѣ*; а летанье всегда не хуже ползанья“. Такова же басня 18-я подъ заглавіемъ: „Собака и кобыла“, гдѣ кобыла, наученная носить поноску, вызывала въ собакѣ каждый разъ смѣхъ, когда она при гостяхъ показывала свое искусство. Въ свое оправданіе передъ кобылою собака говоритъ: „для меня смѣшнымъ кажется и доброе дѣло, дѣлаемое *безъ природы*“. Также и въ баснѣ 30-й подъ заглавіемъ: „Соловей, жаворонокъ и дроздъ“ :при всей сродности соловья и жаворонка, какъ пѣвчихъ птицъ, они

не могли жить вмѣстѣ. „Не волоки мене въ степь; степь мнѣ смерть“, говоритъ соловей. „Не волоки-жъ мене въ садъ; садъ мнѣ смерть“, говоритъ въ свою очередь жаворонокъ. Особенно въ этомъ отношеніи характерна басня 27-я подъ заглавіемъ: „Пчела и шершень“. „Скажи мнѣ, пчела! для чего ты столь глупа? Знаешь, что трудовъ твоихъ плоды не столько для тебе самой, сколько для людей полезны; но тебѣ часто и вредятъ, принося вмѣсто награжденія смерть; однако не перестаешь дурачиться въ собираніи меда. Много у васъ головъ, но безмозгіе. Видно, что вы безъ толку влюбились въ медъ.—Ты—высокій дуракъ, господинъ совѣтникъ,—отвѣчала пчела. Медъ любитъ ѣсть и медвѣдь; а шершень тоже лукаво достаетъ. И мы бы могли воровски добывать, какъ иногда наша братья и дѣлаетъ, еслибы мы только ѣсть любили. *Но намъ несравненно большая забава собирать медъ, нежели кушать, къ чему мы рождены и не престанемъ, поколь не умремъ. А безъ того жить въ изобиліи меда есть для насъ одна лютѣйшая смерть*“.

По аналогіи съ природою Сковорода усматриваетъ въ человѣческихъ обществахъ много сферъ для дѣятельности, занятій, труда и искусства человѣка. Соотвѣтственно этому природа надѣлила людей различными способностями и наклонностями, но такъ, что для различныхъ сферъ дѣятельности въ обществѣ существуютъ различные классы людей съ различными способностями и природными наклонностями, какъ это наблюдается въ царствѣ животныхъ, существующихъ въ различныхъ сферахъ и при различныхъ условіяхъ природы. Но разница между животными и людьми—та, что животныя непрекословно и необходимо повинуются природѣ и слѣдуютъ природнымъ наклонностямъ; люди же имѣютъ *разумъ* и *свободную* волю; поэтому, отъ ихъ собственнаго выбора зависитъ сфера дѣятельности, занятій и труда. Это преимущество человѣка передъ животными нерѣдко служитъ несчастіемъ для человѣка и человѣческихъ обществъ: люди нерѣдко избираютъ для своей дѣятельности сферу имъ несродную, т.-е. не ту, которую указыва-

есть имъ ихъ природа. „Удивительно, — говоритъ Сковорода, — что всякая тварь послѣдуетъ Создателю предводительству. Одинъ чрезъ непослушаніе человѣкъ глупоумною дѣлается мартышкою, засмотрѣвся на глупую моду, не на мановеніе премудрыя природы“. Для доказательства этой мысли Сковорода написалъ сочиненіе: „Разговоръ, нарицаемый Алфавитъ и букварь мира“. Здѣсь онъ въ самомъ началѣ говоритъ: „самое среднее крыльцо или преддверіе, вводящее въ пагубу, и самая начальная замашка, будто *Букварь*, обучающій насъ быть супостатами Бога, есть сія: А) входить въ несродную статью; Б) несть должность природѣ противну; В) обучаться, къ чему не рожденъ, и Г) дружить съ тѣми, къ коимъ не рожденъ“. Сюда же относится и большая часть „Басней Харьковскихъ“.

Въ „Разговорѣ, нарицаемомъ Алфавитъ и Букварь мира“, Сковорода много говоритъ о томъ, какъ, съ одной стороны, трудъ, если потребность его вытекаетъ изъ природной наклонности, не утомителенъ, пріятенъ для трудящагося и полезенъ для окружающихъ и всего общества, и какъ, съ другой стороны трудъ, несродный природѣ или несоотвѣтствующій природнымъ наклонностямъ человѣка, тяжелъ для него и бесполезенъ для общества. Можно сказать больше: люди часто страдаютъ отъ такого человѣка, который занимаетъ положеніе въ обществѣ, не соотвѣтствующее его природнымъ наклонностямъ, или не сродную его природѣ. „Самая добрая душа, — говоритъ Григорій въ Разговорѣ, „нарицаемомъ Алфавитъ и Букварь мира“, — тѣмъ безпокойнѣе и несчастливѣе живетъ, чѣмъ важнѣйшую должность несетъ, если къ ней не рождена. Да и какъ ей не быть несчастною, если потеряла сокровище сіе, всего міра дражайшее: веселіе сердца — животъ человѣку и радованіе мужа (есть то) долгоденствіе. Какъ же не потерять, если вмѣсто услугъ обижаетъ друзей и родственниковъ, ближайшихъ и дальнихъ, однородныхъ и чужестранныхъ. Какъ не обижать, если вредъ приносить обществу? Какъ не повредить, если нѣтъ прямаго раченія и не утомимаго труда?

Откуда же уродится трудъ, если нѣтъ охоты и усердія? Гдѣ-жъ возьметъ охоту безъ природы? Природа есть всему первоначальная причина и самодвижущая пружина. Она есть мать охоты. Охота есть ражженіе, склонность и движеніе. Охота сильнѣе неволи, по пословицѣ. Она стремится къ труду и радуется имъ, какъ сыномъ своимъ. Трудъ есть живой и неусыпный всей машины ходъ потоль, поколь не родить совершенное дѣло, соплетающее Творцу своему вѣнецъ радости. Кратко сказать: *природа запалаетъ къ дѣлу и укрѣпляетъ въ трудъ, дѣлая трудъ сладкимъ*. Собесѣдники Григорія продолжаютъ развивать его мысли въ томъ же направленіи. Одинъ изъ нихъ говоритъ: „я не могу довольно надивиться ужасному множеству грѣшущихъ противу сего тайно-пишемаго божественнаго закона. Не сыщешь ни одной подлой (т.-е. въ низкомъ состояніи находящейся) души нигдѣ, которая не рада бы хоть сегодня взойти и на самое высокое званіе, нимало не разсуждая о сродности своей“ и т. д. Другой говоритъ: „я, напротивъ того, съ удовольствіемъ дивлюся, какъ сладокъ трудящемуся трудъ, если онъ природный. Съ какимъ веселіемъ гонитъ зайца борзая собака. Какой восторгъ, какъ только данъ сигналъ къ ловлѣ! Сколько улаживается трудомъ пчела въ собираніи меда! За медъ ее умерщвляютъ, но она трудится не перестаетъ, поколь жива. Сладокъ ей, какъ медъ, и слаже сота трудъ; къ нему она родилась“. Нѣкоторый молодчикъ, — добавляетъ къ сказанному Григорій, — былъ моимъ ученикомъ. Дитина подлинно рожденъ къ человѣколюбію и дружбѣ; рожденъ все честное слышать и дѣлать. Но нерожденъ быть студентомъ. Съ удивленіемъ сожалѣлъ я о его остолбенѣлости. Но какъ только онъ отрѣшился къ механикѣ, такъ вдругъ всѣхъ удивилъ своимъ понятіемъ безъ всякаго руководителя“. „Мертва совсѣмъ душа человѣческая, не отрѣшенная къ природному своему дѣлу“, замѣчаетъ Григорій. И вотъ, такіе-то попадаютъ въ несродную имъ сферу, занимаютъ несродныя имъ должности, принимаются за несродную имъ дѣятельность. „Бываетъ, — говоритъ Григорій, — что воин-

скую роту ведетъ тотъ, кто долженъ былъ сидѣть въ оркестрѣ“.

Сковорода твердо держится того взгляда, что въ данномъ случаѣ и наука не можетъ помочь горю. „Несродное дѣланіе всегда чего-то тайнаго есть лишенное,—говоритъ Сковорода; но сіе тайное есть глава, а называется гречески: τὸ πρῆπον, сирѣчь благолѣпіе или красота, и не зависитъ отъ науки, а наука отъ сего“ („Басни Харьковскія“. Баснь 18-я „Сила“). Учиться слѣдуетъ тому, къ чему имѣется природная наклонность. „Ars perficit naturam“. „Природа,—говоритъ Сковорода,—есть вѣчный источникъ охоты. Сія воля (по пословицѣ) пуше неволи. Она побуждаетъ къ частому опыту; опытъ есть отецъ искусству, вѣдѣнію и привычкѣ. Отсюда родились всѣ науки и книжи и хитрости“ (тамъ же).

Въ „Разговорѣ, нарицаемомъ Алфавитъ и Букварь мира“ одинъ изъ собесѣдниковъ указываетъ Григорію на то, что медвѣдя учатъ же плясать и онъ пляшетъ, хотя это и несродно ему. Правда, что медвѣдь пляшетъ; но сколько труда и мученія стоитъ ему это и что изъ этого выходитъ? „Выходитъ смѣшно, говоритъ Григорій, а смѣшно за тѣмъ, что несродно и неприлично. Всякая безвредная неприличность смѣшита“. Но можетъ послѣдовать худшее; можетъ случиться, что волкъ сдѣлается пастухомъ, медвѣдь—монахомъ, а лошакъ—совѣтникомъ. „Сіе уже не шутка, а бѣда“, говоритъ Григорій.

Что же толкаетъ людей на несродныя ихъ натурѣ занятія и должности? Различныя побужденія и причины: мода, незнаніе собственной природы и слѣдованіе совѣтамъ другихъ; главнымъ же образомъ, сластолюбіе и славолюбіе. „Славолюбіе да сластолюбіе,—говоритъ въ „Басняхъ Харьковскихъ“ Сковорода,—поволокло многихъ въ стать, совсѣмъ природѣ ихъ противную“.

За то сама природа мститъ за нарушеніе ея законовъ, сама она наказываетъ нарушителей ихъ. „Самимъ себѣ суть убійцы борющіеся съ природою“ говоритъ Сковорода. Они навсегда лишаются того душевнаго мира, который состав-

ляетъ цѣль жизни человѣка и его высшее благо; вмѣсто душевнаго мира наполняетъ душу ихъ скука, тоска, грусть, недовольство и проч. „Тогда она (душа) ничѣмъ недовольна, говорится въ „Разговорѣ, нарицаемомъ Алфавитъ и Букварь мира“. Мерзитъ и состояніемъ, и селеніемъ, гдѣ находится. Гнусны кажутся сосѣди; невкусны забавы, постылые разговоры, непріятны горничныя стѣны, немилы всѣ домашніе; ночь скучна, а день досадный. Лѣтомъ зиму, а зимою хулить лѣто. Нравятся прошедшіе Авраамскіе вѣка или Сатурновы. Хотѣлось бы возвратиться изъ старости въ младость, изъ младости въ отрочество, изъ отрочества въ мужество. Хулить народъ свой и своей страны обычаи. Порочить натуру, ропщеть на Бога и сама (т. е. душа) на себе гнѣвается. То одно сладкое, что невозможное, вожделѣнное, что минувшее, завидное, что отдаленное. Тамъ только хорошо, гдѣ ея, и тогда, когда ея нѣтъ... Жить не можетъ и умереть не хочетъ“. Не слѣдуетъ судить по ихъ жизни, какъ она представляется: они пьютъ, ѣдятъ, поютъ. „Въ сей праздности несносную и большую терпятъ скуку, нежели работающіе безъ ослабы“ („Басни Харьковскія“).

На основаніи вышеизложеннаго Сковорода требуетъ, чтобы родители старались распознавать природныя склонности своихъ дѣтей и согласно съ ними давать имъ воспитаніе и образованіе. На замѣчаніе одного изъ собесѣдниковъ, что трудно знать свою природу, а чужую познать и того труднѣе, Григорій говоритъ: „всякая тайна имѣетъ свою обличительную тѣнь. Трудно распознавать между дружескимъ и ласкательскимъ сердцемъ, но наружная тѣнь, будто изъяснительное штекло, и самые сердечные закоулки ставить въ виду острымъ блюстителемъ. Смотри, когда мальчикъ, сдѣлавъ для игрушки воловый яремъ, налагаетъ оный щенкамъ или котикамъ, не сія ли есть тѣнь хлѣбопашескія въ немъ души? Если препояшетъ саблю, не аппетитъ ли къ воинству? Когда трехлѣтній отрокъ самовольно наслышкою перенимаетъ божественныя пѣсни, любитъ за-

глядывать въ священныя книги, перекидывать листья, смотрѣть то на таинственныхъ образовъ картины, то на буквы, не сіе ли обличаетъ тайную искру природы, родившія и зовущія его въ упражненіе богословское?“ („Разговоръ, нарицаемый Алфавить и Букварь мира“).

Сковорода былъ глубоко убѣжденъ въ истинѣ своего взгляда на прирожденность въ людяхъ извѣстныхъ наклонностей и способностей, соотвѣтствующихъ различнымъ занятіямъ въ обществѣ. Этотъ взглядъ онъ настойчиво проповѣдовалъ и старался внушить всѣмъ, съ кѣмъ только соприкасался и знакомился, такъ какъ отъ усвоенія этого взгляда людьми онъ ожидалъ самыхъ благихъ послѣдствій какъ для тѣхъ, которые послѣдуютъ ему, такъ и для общества. Въ „Разговорѣ, нарицаемомъ Алфавить и Букварь мира“ Григорій говоритъ: „внушалъ я сіе непрестанно молодцамъ, дабы испытывали свою природу“. Ковалѣнскій въ „Житіи Сковороды“ не преминулъ съ особеннымъ удареніемъ отмѣтить указанный взглядъ Сковороды и нѣсколько разъ возвращается къ нему. Во-первыхъ, сообщая о томъ, что внушалъ ему Сковорода, когда онъ сдѣлался его ученикомъ, Ковалѣнскій говоритъ: „Сковорода училъ, что всѣ состоянія суть добры и что Богъ, раздѣляя члены общества, никого не обидѣлъ; проклятіе же налагаетъ точію на сыновъ противленія, которые, не внявъ себѣ и не послѣдуя званію природы, вступаютъ въ состояніе по страстямъ, по обманчивымъ видамъ, по прихотямъ. И понеже не испытывали они въ себѣ склонности врожденной, то и предаль ихъ Верховный Раздаятель дарованій въ неискусенъ умъ, да творять неподобная и будутъ прокляты, т.-е. несчастливы“. Въ другомъ мѣстѣ Ковалѣнскій замѣчаетъ: „онъ (Сковорода) мыслилъ, что счастье человѣка состоитъ въ томъ, чтобы, узнавъ собственную въ себѣ способность, по оной употребить себя въ жизни. Такъ многіе богословы были бы, можетъ быть, лучшими стряпчими по дѣламъ, многіе ученые—разношиками, многіе судьи—пахарями, военачальники—пастухами, монахи—цѣловальниками“ и проч. Наконецъ, онъ передаетъ разговоръ

Сковороды съ харьковскимъ губернаторомъ—Щербининымъ, на ту же тему. Послѣдній, желая склонить Сковороду къ официальной общественной дѣятельности, сказалъ: „другъ мой, можетъ быть, ты имѣешь способность къ другимъ состояніямъ въ общежитіи полезнымъ, да привычка, мнѣніе, предувѣреніе“.—Еслибы я чувствовалъ,—отвѣчалъ Сковорода,—что могу безъ робости рубить турокъ, то съ сего же дня привязалъ бы я гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. Трудъ при врожденной склонности пріятенъ. Песъ бережетъ стадо день и ночь по врожденной любви и терзаетъ волка по врожденной склонности, несмотря на то, что и самъ подвергается опасности быть растерзанъ отъ хищниковъ. Ни конь, ни свинья не сдѣлаетъ сего, понеже не имѣютъ природы къ тому. *Склонности, охота, удовольствіе, природа, сила Божія, Богъ есть то же*“ и т. д. (Ковалѣвскій. Житіе Сковороды, стр. 23, 27 и 31).

Да позволено будетъ намъ еще разъ сдѣлать историческую справку въ древне-классической философіи по поводу вышеизложеннаго. Сократъ отождествлялъ добродѣтель съ знаніемъ и настаивалъ въ своемъ ученіи на томъ, чтобы гражданинъ, претендовавшій на занятіе той или другой должности въ государствѣ, имѣлъ соотвѣтствующее ей образованіе и знаніе, почему возставалъ противъ выбора на должности по жребію. Тотъ же Сократъ былъ защитникомъ труда, какимъ бы тяжкимъ ни казался онъ его соотечественникамъ, если этотъ трудъ полезенъ и необходимъ для поддержанія жизни. Платонъ въ своемъ „Государствѣ“, требуя раздѣленія труда и обязанностей въ обществѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ, чтобы этотъ трудъ и обязанности распредѣлялись между гражданами по ихъ способностямъ, особенно требуетъ, чтобы при выборѣ въ сословіе воиновъ и правителей принимались во вниманіе природныя способности и наклонности; образованіе же и науки должны дать надлежащее направленіе развитію этихъ способностей и наклонностей, согласно цѣлямъ государства. Аристотель, какъ философъ-натуралистъ, анализировалъ дѣятельность при-

родныхъ способностей и нашель, что въ дѣятельности способностей за каждымъ актомъ, наилучшимъ образомъ исполненнымъ, слѣдуетъ удовольствіе, какъ необходимое слѣдствіе. И это одинаково относится какъ къ человѣку, такъ и къ животнымъ. Съ этимъ непосредственно соединено благо живыхъ существъ. Съ этой точки зрѣнія, чѣмъ больше имѣетъ живое существо способностей и чѣмъ совершеннѣе исполняются акты этихъ способностей, тѣмъ большимъ благомъ пользуется это существо. Человѣкъ, имѣющій наибольшее количество способностей и наилучшимъ образомъ пользующійся ими, предназначенъ природою къ наибольшему благу; но всѣ живыя существа, не исключая ничтожнаго червяка или улитки, пользуются своимъ благомъ по мѣрѣ способностей, данныхъ имъ природою (Никомах. Этика, книга X). И среди людей существуетъ разнообразіе въ способностяхъ; поэтому каждый наслаждается своимъ благомъ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, если онъ пользуется ими наилучшимъ образомъ. Стоики въ своей нравственно-философской системѣ даютъ видное мѣсто природнымъ наклонностямъ и влеченіямъ (*ὁρμή*). На природныя наклонности и влеченія, будетъ ли то въ животныхъ или въ человѣкѣ, они смотрятъ съ общемировой точки зрѣнія. Напримѣръ, человѣкъ долженъ смотрѣть на себя не только какъ на индивидуумъ, но и какъ на принадлежность цѣлой вселенной. Онъ долженъ знать, какое мѣсто онъ занимаетъ въ этой вселенной и какую функцію онъ долженъ исполнять въ ней по назначенію природы, которой часть онъ составляетъ и которая преслѣдуетъ свои высшія цѣли. Руководителемъ человѣка въ этомъ знаніи должно служить, главнымъ образомъ, изученіе своихъ собственныхъ природныхъ наклонностей и влеченій. Черезъ нихъ природа указываетъ человѣку то, что предназначено ему выполнить въ общемировой жизни. Познавши это, онъ долженъ подчинить свою индивидуальную волю требованіямъ и указаніямъ природы и „жить согласно съ природою“; въ этомъ его благо (см. также у Цицерона: *De officiis*).

Очевидно, что Сковорода въ своемъ ученіи о природныхъ способностяхъ и наклонностяхъ совмѣстилъ ученіе о томъ же предметѣ Платона, Аристотеля и стоиковъ. По примѣру Платона, который намѣтилъ три сословія въ государствѣ: земледѣльцевъ (съ ремесленниками), воиновъ и правителей, Сковорода также говоритъ только о трехъ природныхъ наклонностяхъ: о наклонности къ земледѣлію, къ военной службѣ и къ богословію. О земледѣльцѣ онъ говоритъ, что его занятіе состоитъ въ томъ, чтобы „пахать землю, заготовлять пищу для людей и скотовъ, водить стада или пчелы“. О воинѣ онъ говоритъ: „воиномъ кто рожденъ, дерзай, вооружайся... Съ природою скоро научишься. Защищай земледѣльство и купечество отъ внутреннихъ грабителей и внѣшнихъ непріятелей. Тутъ твое счастье и увеселеніе. Береги званіе какъ око. Что слаже природному воину, какъ воинское дѣло. Закалатъ обиду, защищать страждущую и безоружную невинность, заступать общества основаніе: правду. Сей есть его пресладкій завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Не бойся! съ Богомъ легко тебѣ будетъ несть голодъ, жажду, холодъ, жаръ, безсонницу, кровокаплющія раны и самый страхъ смертный, и гораздо легче, нежели безъ Его противное сему; да уразумѣешь, сколь сильная природа!“ О сродности или природной наклонности къ богословію онъ говоритъ: „студентъ ли ты рожденъ; смотри-жъ, такъ ли оно? ты, можетъ стать, червячокъ, но подложный. Изъ сихъ рождаются трутни... Внемли-жъ себе, испытай опаску, осмотришь исправно...; а если оно точно такъ, и не тщеславіе, ни прибыль, но самъ Господь зоветъ врожденною къ сему дѣлу любовію, ступай во слѣдъ Его и прибирайся къ званію Оставъ всѣ дѣла... Бѣгай молвы, объеми уединеніе, люби нищету, цѣлуй цѣломудріе, дружи съ терпѣніемъ. Учись священнымъ языкамъ хоть одному твердо... Голодъ, холодъ, ненависть, гоненіе, руганіе и всякій трудъ не только сносенъ, но и сладостенъ, если ты къ сему рожденъ... Привитайся съ древними языческими философами. Побесѣдуй съ отцами вселенскими. Наконецъ, пойдешь въ землю

Израильскую... въ священнѣйшій градъ Библии... Долго самъ учись, если хочешь учить другихъ. Во всѣхъ наукахъ и художествахъ плодомъ есть правильная практика. А ты, проповѣдуя слово истины Божія, утверждай оное непорочнаго житія чудесами... Берегись сребролюбія... Кой ты мнѣ богословъ, если сребролюбецъ. Пусть другіе собираютъ, а твоя часть будь Господь. Имѣя пищу и одѣяніе, тутъ все твое довольство тѣлесное“ и т. д. Такимъ образомъ, Сковорода отступаетъ отъ Платона только въ томъ, что вмѣсто правителей ставитъ богослововъ.

То положеніе Сковороды, по которому трудъ пріятенъ и сопровождается удовольствіемъ, если онъ вытекаетъ изъ требованій природныхъ наклонностей, согласуется съ ученіемъ Аристотеля объ удовольствіи, сопровождающемъ акты способностей, наилучшимъ образомъ выполняемые. Всякому извѣстно, что наибольшимъ совершенствомъ отличаются тѣ акты, которые совершаются по природнымъ наклонностямъ и влеченіямъ.

По ученію стоиковъ, природа ради высшихъ общемировыхъ цѣлей размѣщаетъ наклонности и влеченія въ тваряхъ (природу и Бога они отождествляютъ). У Сковороды Самъ Богъ или божественный Духъ представляется раздаятелемъ дарованій и способностей въ тваряхъ вообще и въ людяхъ въ частности. „Богъ,—говоритъ Сковорода,—богатаму фонтану подобенъ, наполняющій различные сосуды по ихъ вмѣстности... Меньшій сосудъ менѣе имѣетъ, но въ томъ равенъ есть большему, что равно есть полный“ („Разговоръ, нарицаемый Алфавитъ и Букварь мира“). Поэтому-то Сковорода и выразился такъ, что „жить по природѣ“ значить отдаться въ волю Божию“ или подчинить свою волю волѣ Божіей. Онъ отмѣчаетъ рядомъ съ этимъ тотъ фактъ, что въ древности глубоко лежало и крѣпко держалось въ народномъ сознаніи убѣжденіе, что природныя наклонности суть дары боговъ. „У язычниковъ,—говоритъ онъ,—была пословица: invita Minerva — безъ благословенія Минервы (у насъ говорятъ: безъ Бога). И первѣе такъ говорили о наукахъ,

потомъ—о всемъ, даже мелочномъ дѣлѣ. Если кто безъ природы сунется во врачебную науку или музыку, говорили: invito Apolline, iratis Musis — безъ благословенія Аполлона, безъ милости Музъ. Если кто обращался въ купечествѣ—безъ дозволенія Меркуріева, если обиталь въ прекрасныхъ рощахъ, на поляхъ, на холмахъ и на горахъ, при чистыхъ рѣкахъ и прозрачныхъ источникахъ, уединяясь въ лѣсахъ и въ шумящихъ птичьимъ пѣніемъ вертоградахъ, убѣгая челоуѣческаго сожительства и брачнаго союза, но безъ Бога, говорили: безъ благословенія Діаны“ („Разговоръ, нарицаемый Алфавитъ и Букварь мира“).

Еще разъ указываемъ на то, что взгляды и убѣжденія Сковороды не согласовались съ преобладающими взглядами и убѣждениями философовъ XVIII стол. Послѣдніе держались по преимуществу того взгляда, что люди по природѣ равны, что они рождаются съ одинаковыми способностями; если впоследствии они дѣлаются различными по способностямъ и дарованіямъ, то это происходитъ единственно вслѣдствіе воспитанія и образованія. Сковорода не признаетъ того положенія философовъ XVIII стол., что люди рождаются съ одинаковыми способностями и равны по природѣ. „И что глупѣ,—говоритъ онъ,—какъ равное равенство, которое глупцы въ мірѣ внести покушаются. Куда глупѣе все то, что *противно блаженной натурѣ*“ („Разговоръ, нарицаемый Алфавитъ и Букварь мира“). Равенство между людьми существуетъ, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ его эти мечтатели; оно состоитъ въ томъ, что никто не лишенъ отъ природы дарованій и способностей; но эти дарованія и способности различны, согласно потребностямъ и нуждамъ общества.

Сковорода—*оптимистъ*. По его убѣженію, „вся экономія во всей вселенной исправна, добра и всѣмъ намъ всеполезна есть“ („Разговоръ о душевномъ мирѣ“). И общество какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ устроено, какъ машина, слѣдовательно, устроено разумно и цѣлесообразно. Люди сами виноваты въ томъ, что въ обществѣ происходятъ за-

мѣшательства и неустройства. „Общество,—говоритъ Скворода,—есть то же, что машина. Въ ней замѣшательство бываетъ тогда, когда ея части отступаютъ отъ того, къ чему оныя своимъ хитрецомъ сдѣланы“ („Разговоръ, нарицаемый Алфавитъ и Букварь мира“). Выше достаточно было сказано о томъ, какимъ образомъ и по какимъ причинамъ происходятъ въ обществѣ отступленія частей и зло, отсюда проистекающее. Такимъ образомъ, вопросъ о нравственномъ злѣ и его происхожденіи разрѣшается самъ собою.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о дружбѣ и любви. Происхожденіе той и другой объясняетъ Скворода изъ того же принципа *сродности*. „Любимъ,—говоритъ онъ—тѣхъ, коихъ любить родились, такъ какъ ядимъ то, что по природѣ“ („Басни Харьковскія“). Дружба и любовь суть тоже дѣйствіе Божіе въ человѣкѣ, насколько Богъ есть причина всѣхъ природныхъ наклонностей и сродностей въ тваряхъ и человѣкѣ. „Премудрая и предревняя,—говоритъ Скворода,—есть сія пословица: ὁμοιον πρὸς ὁμοιον ἄγει Θεός; similem ad similem ducit Deus (подобнаго до подобнаго ведетъ Богъ)“ (тамъ же). „Какъ нельзя коня съ медвѣдемъ, а собаку съ волкомъ припрячти къ коляскѣ, такъ не можно, чтобы не оторвалось ветхое сукно, пришитое къ свѣжему, а гнилая доска къ новой. Равно-жъ несогласіе есть между двома разстоящихъ природъ человѣками; а самая вящая несродность между злымъ и добрымъ сердцемъ“. Поэтому, „дружбы нельзя выпросить, ни купить, ни силою вырвать“ (тамъ же). „И фамилія, и богатство, и чинъ, и родство, и тѣлесныя дарованія, и науки несильны утвердить дружбу; но сердце въ мысляхъ согласное и одинакая честность человѣколюбивыя души въ двоихъ и троихъ тѣлахъ живущая. Сія истинная любовь и единство“. Также въ письмѣ къ пріятелю, которое составляетъ предисловіе къ „Баснямъ Харьковскимъ“, Скворода говоритъ: „твой тѣлесный болванъ далеко разнится отъ моего чучела, но два различные сосуды однимъ да наполняются ликеромъ; да будетъ

едина душа и едино сердце. Сіе-то есть истинная дружба". Не даромъ въ природѣ человѣка глубоко лежитъ стремленіе къ дружбѣ и любви. „Дружба,—говоритъ Сковорода,— есть основаніе, союзъ и вѣнецъ обществу". „Другъ есть слуга и доброжелатель". „Гдѣ есть дружба, тамъ миръ и согласіе; тамъ—любовь; а любовь есть образъ самого Бога; Богъ любви есть". „Нѣтъ,—говоритъ Сковорода,—ничего дороже, слаже и полезнѣе дружбы. Великая Русь просвѣщенно поговариваетъ: въ полѣ пшеница годомъ родится, а добрый человѣкъ всегда пригодится. Носится и въ Мало-россіи пословица: не имѣй сто рублей, какъ одного друга" („Басни Харьковскія").

Заключеніе.

Въ этомъ очеркѣ мы далеко не исчерпали всего, что заключается въ сочиненіяхъ Сковороды. Преслѣдуя изложеніе однихъ философскихъ воззрѣній Сковороды, мы почти не касались его религіозно-богословскихъ воззрѣній, которыя находятся въ связи съ его философскимъ мышленіемъ и міровоззрѣніемъ; мы едва коснулись ученія Сковороды о троичности Божества; сопоставляя философскія воззрѣнія Сковороды съ воззрѣніями Платона, Аристотеля, стоиковъ и Филона, мы въ то же время воздерживались отъ сопоставленія ихъ съ посланіями Апостола Павла и ученіями нѣкоторыхъ отцовъ церкви: Климента Александрійскаго, Максима Исповѣдника и друг., находя себя недостаточно свѣдущими и компетентными въ данномъ случаѣ. Такимъ образомъ, эта сторона въ сочиненіяхъ Сковороды ожидаетъ еще своего изслѣдователя-спеціалиста. Затѣмъ мы не имѣли подъ руками нѣкоторыхъ сочиненій Сковороды, которыя по содержанію весьма важны, какъ можно судить по указаніямъ Хиждеу и выдержкамъ, сдѣланнымъ имъ въ извѣстной указанной нами его статьѣ въ „Телескопѣ". Таковы: „Симфонія о народѣ, гласъ II", „Книжечка о любви до своихъ, нарѣченная Ольга Православная", „Помни послѣдняя, помню и исповѣдую Тебе, Го-

споди" (Послѣднее сочиненіе, по свидѣтельству Хиждеу, есть родъ автобіографической записки Сковороды, написанной имъ для архіепископа Георгія Конисскаго въ видѣ письма къ нему 5 мая 1789 года изъ Бурлука); „Софросина, сирѣчь толкованіе на вопросъ: что намъ нужно есть? и на отвѣтъ: Сократа“.

Странно то, что ни на одно изъ этихъ сочиненій нѣтъ указаній у ученика и друга Сковороды—Ковалѣнскаго; другіе указываютъ на нихъ лишь на основаніи указаній Хиждеу. Судя по выдержкамъ, сдѣланнымъ изъ нихъ Хиждеу, въ этихъ именно сочиненіяхъ трактуется о русскомъ народѣ, народномъ воспитаніи и русской философіи. Нѣкоторыя выдержки, сдѣланныя Хиждеу изъ указанныхъ сочиненій, приведены нами въ отдѣлѣ, въ которомъ говорилось о сократической дѣятельности Сковороды. Не менѣе интересны и другія выдержки, сдѣланныя Хиждеу; напримѣръ, въ сочиненіи: „Притча, нарѣченная Эродій“, говорится о воспитаніи слѣдующее: „коликое идолопоклонство восписывать выписнымъ мудрецамъ и покупнымъ учителямъ изъ Нѣмецъ и Французъ силу восприносить и воспричитать воспитаніе. Свое воспитаніе утаевается въ природѣ всякаго народа, какъ огонь и свѣтъ невидимкою утаился въ кремешкѣ. Приставъ же губку, либо трутъ, не пожалѣй же руки и ударъ кресаломъ и выкресешь огонь у себя дома и не будешь ходить по сосѣднимъ хатамъ съ трепетицею, кланяться и просить: пожичь-де мнѣ огню“. Въ другомъ мѣстѣ говорится: „учителю надлежитъ быть вездѣсущимъ въ народѣ, ибо изводъ образованія долженъ быть изъ народа, ради народа, для народа, народный: долгъ же учителя есть званіе познать нужду, мѣру, примѣръ и свойство исты (сущности) образованія и сочетать себя съ народомъ, т. е. изводъ съ истою“ (Хиждеу, стр. 164 и 165). Особенно интересно, повидимому, содержаніе сочиненія Сковороды подъ заглавіемъ: „Симфонія о народѣ, гласъ II“. Хиждеу представляетъ главную мысль („въ сводѣ“, какъ выражается) этого сочиненія слѣдующимъ образомъ: „Тройкое есть познаніе себя, и кто не позналъ

себя трояко, тотъ не знаетъ себя, ибо кто знаетъ себя съ одной стороны, а не знаетъ себя съ прочихъ сторонъ, тотъ все равно что ничего не знаетъ про себя и о себѣ, словомъ—самого себя и свое. Первое познаніе есть познаніе себя, какъ бытія самоличнаго, самоособнаго, самосушаго, т.-е. какъ человѣка одинокаго, отъ всѣхъ людей отличнаго, только на самого себя похожаго. Вспомни пословицу: всякъ Еремей про себя разумѣй. Всякъ долженъ узнать себя, именно: свою природу, чего она ищетъ, куда ведетъ, и какъ ведетъ,—и ей послѣдовать безъ всякаго отнюдь насилія, но и съ глубокимъ покореніемъ. Конь ли ты? носи сѣдока. Волъ ли ты? носи яремъ. Песъ ли борзый? лови зайца. Дацкій ли? дави медвѣдя... Другое познаніе есть познаніе себя, какъ бытія общежительнаго, гражданскаго, народнаго, государственнаго, т.-е. какъ человѣка, сличеннаго съ другими истію вѣры, закона, обычая и языка и похожаго на другихъ людей, вкупѣ живущихъ въ одной землѣ, которой имя: родина, отчизна, рѣчь общая, *gespublica*. Вспомни пѣсню: Ой туда ся хилѣть лозы, куда имъ похило; туда очи выглядѣють, куда сердце мыло. Всякъ долженъ узнать свой народъ и въ народѣ себя. Русъ ли ты? Будь имъ: вѣрь православно, служи царицѣ правно, люби братію нравно. Ляхъ ли ты? Ляхъ будь. Нѣмецъ ли ты? Нѣмечествуй. Французъ ли? Французуй. Татаринъ ли? Татарствуй. Все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ своей мѣрѣ и все красно, что чисто, природно, т.-е. неподдѣлано, неподмѣшано, по своему роду. Не будь ни тепель, ни холодень, да не изблюють тебя. Русъ не русская видится мнѣ диковинкою, какъ если бы родился человѣкъ съ рыбимъ хвостомъ или съ собачьею головою... Третіе познаніе—себя какъ бытія, сотвореннаго по образу и по подобію Божію, общаго со всякимъ бытіемъ человѣческимъ. Посреди насъ живетъ то, что превыше всего есть. По первому познанію ты познаешь свое особство, почему ты Еремей и какой Еремей? По второму ты узнаешь свою статью: почему ты Русъ и какова Русъ? По третьему ты узнаешь свою общность: почему

ты человѣкъ? и что есть человѣчество? По всему ты узнаешь себя и отлично и слично, и неслитно и слитно. О Боже! сколь неслична музика безъ Св. Духа Твоего! И коль смѣхотворна премудрость, несличившая и непознавшая себя". Хиждеу говорить далѣе: Сковорода досадуетъ на тѣхъ народоучителей, которые проповѣдовали одностороннее познаніе себя, и въ этомъ отношеніи упрекаетъ даже Сократа. У грековъ онъ находитъ трехъ апостоловъ самосознанія: великаго незнакомца, написавшаго на Дельфійскомъ храмѣ мудрое: узнай себя, Солонъ и Сократъ; но Дельфійская надпись относилась къ познанію себя, какъ особи (*individuum*); Солонъ училъ познанію себя, какъ гражданина (*in statu*); Сократъ училъ познанію себя, какъ человѣка вообще (*in genere*). Что есть человѣкъ одинокій, уединяющій себя отъ другихъ людей, погружающійся въ думу о себѣ единомъ? Круглый сирота, дитя безродное, родитель безчадный. Что есть гражданинъ въ народѣ, отчуждающемъ себя отъ другихъ народовъ, закатающемся только въ свою наличность? то, что и народъ его, т. е. бытіе раждающееся и раждающее, — только въ пространствѣ, а не во времени, объемлющее собою мѣсто, но не вѣка; опредѣленіе: подлежащее географіи, но не исторіи. Что же тотъ, кто отождаетъ себя въ познаніи съ цѣлымъ человѣчествомъ (космополитъ)? Собака въ Эзоповой баснѣ, которая нарочно опустила наличный кусокъ мяса и канула въ рѣку, чтобы уловить тѣнь онаго. Спаситель первый училъ полному, т. е. троякому, познанію себя, какъ познанію одному.

Г. Срезневскій сомнѣвается въ вѣрности всѣхъ вообще показаній Хиждеу. Халявскій (Данилевскій) заявляетъ, что онъ не имѣлъ данныхъ для рѣшенія вопроса въ пользу или не въ пользу Хиждеу („Основа“ 1862 г., сентябрь, 92 стр.). Мы тоже не имѣемъ ихъ. Но вышеприведенныя мѣста изъ неимѣющихся у насъ подъ руками сочиненій Сковороды отнюдь не противорѣчатъ тому, что изложено нами на основаніи подлинныхъ сочиненій Сковороды. Вспомнимъ, что

было сказано о природных дарованіяхъ и наклонностяхъ каждаго человѣка и даже каждой твари, какъ трактуетъ объ этомъ Сковорода. Если каждый индивидуумъ отличается этими наклонностями и дарованіями отъ другихъ и имѣетъ свою особность, то такимъ же образомъ и каждый народъ имѣетъ свою особность и отличается отъ другихъ своими дарованіями и наклонностями, своимъ характеромъ. Русскій народъ не составляетъ, конечно, исключенія. Поэтому Сковорода могъ послѣдовательно логически выражаться, что „Русь не русская видится мнѣ диковинкою, какъ если бы родился человѣкъ съ рыбимъ хвостомъ или собачьею головою“.

Замѣчательно, что нашъ философъ выступаетъ проповѣдникомъ идеи національности въ то время, когда на Западѣ преобладала идея космополитизма и едва нарождалась идея національности. Но могутъ сказать: какъ же самъ-то онъ не сдѣлалъ попытки создать самобытную, національную философію, а воспользовался древне-классическою философіею? По нашему мнѣнію, Сковорода дѣлалъ свое дѣло именно въ духѣ національности. Какъ было сказано, онъ принялъ на себя роль Сократа для своего народа и боролся, главнымъ образомъ, съ суевѣріемъ и невѣжествомъ, что и нужно было въ то время. Онъ приготовлялъ поле для будущей философіи. Онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „И кто будетъ по нашемъ Сократѣ нашимъ Платономъ? Что будетъ, то будетъ, а кто будетъ? Богъ вѣсть. *Мое дѣло теперешнее*, а оное—*grata superveniet, quum non superabitur* бога — само придетъ, когда придетъ пора“ („Софросина“. Хиждеу, 42 стр.). Изложеніе и пропагандированіе идей древне-классической философіи есть второй способъ подготовленія будущей философіи, которымъ воспользовался Сковорода. Въ этомъ мы видимъ глубокий смыслъ и широкое пониманіе дѣла со стороны Сковороды. Сковорода не былъ, какъ мы видѣли, узкимъ націоналистомъ. „Народъ, говоритъ онъ, отчуждающійся отъ другихъ народовъ, есть бытіе, существующее и раждающее только въ про-

странствѣ, а не во времени, объемлющее собою мѣста, но не вѣка, опредѣленнѣе: подлежащее географіи, но не исторіи“. Такимъ образомъ, Сковорода понималъ, что національная философія должна корениться въ общемъ источникѣ. „Истина,—говоритъ онъ,—безначальна и вѣчна“. „Sola veritas est viva, antiquissima“. Истина раскрывается постепенно въ различныхъ мѣстахъ, у различныхъ народовъ. Западно-европейская философія также началась съ того, что первоначально воспроизводились системы древне-классической философіи, и только впоследствии она вступила на самостоятельный путь развитія. Значить, это—наиболѣе естественное средство для того, чтобы вступить на самостоятельный путь развитія философіи. Намъ кажется, что Сковорода хорошо понималъ это; поэтому онъ и обратился къ древне-классической философіи, какъ къ первоисточнику, дабы подготовить появленіе самостоятельной, національной философіи. Къ этому нужно присовокупить, что онъ, повидимому, крайне не симпатизировалъ преобладающему направленію философіи XVIII вѣка. Особенно противна была ему мода оригинальничанья среди мелкихъ и поверхностныхъ умовъ и среди недоучекъ, которая была порожденіемъ направленія философіи этого вѣка. „А если,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—мой молокососный мудрецъ дѣлается двухъ или трехъ языковъ попугаемъ, побывалъ въ славныхъ городахъ и знатныхъ компаніяхъ, если вооружится ариѳметикою, геометрическими кубами, пролетѣвъ нѣсколько десятковъ любовныхъ исторій и гражданскихъ и проглотивъ нѣсколько число Коперниканскихъ пилуль; во время оно Платоны, Солоны, Сократы, Пифагоры, Цицероны и вся древность суть одни только метелики, надъ поверхностію земли летающіи, въ сравненіи нашего высокопарнаго орла, къ неподвижнымъ солнцамъ возлетающаго и всѣ на океанѣ острова перечеитаго. Тутъ-то выныряютъ хвалители, проповѣдующіи и удивляющіися новорожденной въ его мозгѣ мудрости, утаенной отъ всѣхъ древнихъ, яко непросвѣщенныхъ вѣковъ, въ коихъ одинаково жизнь проживалась. Тогда-то

уже всѣхъ древнихъ вѣковъ реченія великій сей Дій пересуживаетъ, будто ювелиръ камушки, по своему благоволенію—то одобряетъ, то обезцѣняетъ, сдѣлався вселенскимъ судьей. А что уже касается Моисея и пророковъ, и говорить нечего“ („Разговоръ о душевномъ мирѣ“, напечат.).

Нужно удивляться самостоятельности и независимости ума нашего философа, если мы примемъ во вниманіе среду, въ которой онъ воспитался и развивался. Это было царство схоластики самой безплодной и неподвижной, застывшей въ узкихъ рамкахъ. Она или отупляла, или бросала на крайній путь отрицанія. Сковорода же, сдѣлавшись смертельнымъ врагомъ схоластики, въ то же время не подался въ сторону отрицателей XVIII вѣка. Это былъ истинный философъ, вѣрнѣе сказать: философъ въ древне-классическомъ смыслѣ. *Изысканіе истины и жизнь для него одно и тоже.* „Мнози глаголють,—пишетъ Сковорода къ Ковалѣнскому,—что же дѣлаетъ въ жизни Сковорода? чѣмъ забавляется? Азъ же о Господѣ радуюся... Се есть діатриба и типикъ моея жизни. Блаженъ мужъ, иже въ премудрости живетъ и иже въ разумѣ своемъ поучается святынь, размышляя пути ея въ сердцѣ своемъ и въ сокровенныхъ ея уразумится“ („Письмо къ другу. Разглаголь о древнемъ мирѣ“). Въ сочиненіи: „Израильскій змій“ Сковорода представляетъ себя подъ видомъ пустытника, который занимается тѣмъ, что „ловить птицу—истину“. Недаромъ Сковороду называютъ первымъ русскимъ философомъ. Это названіе неотъемлемо принадлежитъ ему по всей справедливости.

Наше изложеніе *умозрительной* философіи Сковороды не доведено, можно сказать, до конца; мы начертали, главнымъ образомъ, историческій путь, которымъ шелъ онъ въ глубь философскаго умозрѣнія. Какъ могъ замѣтить читатель, Сковорода въ своей философіи дѣлаетъ попытку найти путь къ примиренію двухъ философскихъ направленій, которыя считались и считаются непримиримыми, а именно: *примирить пантеизмъ съ умозрѣніемъ, признающимъ личнаго Бога съ свободною волею.* Многіе, конечно, отнесутся къ этой попыткѣ скепти-

чески и самую задачу, поставленную Сковородою, признають невыполнимою, приравнивая ее къ квадратурѣ круга или къ *perpetuum mobile*. Но древняя философія пришла же къ необходимости рѣшать эту задачу въ силу историческаго хода развитія философской мысли въ древности, когда произошло столкновение двухъ философскихъ міровоззрѣній—восточнаго и греческаго. Въ Европѣ также рядомъ съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ нерѣдко выдвигалось и выдвигается пантеистическое міровоззрѣніе восточнаго характера. Сковорода, по примѣру древнихъ философовъ указанной эпохи, усматриваетъ возможность примиренія двухъ указанныхъ философскихъ міровоззрѣній въ признаніи троичности Божества. Замѣчательно, что другой русскій мыслитель ближайшаго къ намъ времени, И. В. Кирѣевскій, который, по всей вѣроятности, не былъ знакомъ съ сочиненіями Сковороды, также говоритъ, что исходнымъ пунктомъ русской философіи должно быть ученіе о Св. Троицѣ.

Другая попытка Сковороды, которая находится въ связи съ первою, хотя можетъ быть разсматриваема и независимо отъ нея, состоитъ въ томъ, чтобы *примирить необходимость и свободную волю въ человѣкѣ и его дѣйствіяхъ*. И здѣсь, какъ извѣстно, признается обыкновенно непримиримость и происходитъ борьба между двумя направленіями, изъ коихъ одно отвергаетъ свободную волю въ человѣкѣ, другое признаетъ ее. Сковорода признаетъ свободную волю въ человѣкѣ и въ то же время учитъ, что человѣкъ долженъ въ жизни слѣдовать природнымъ наклонностямъ, какъ необходимости. Животныя, которыя не имѣютъ свободной воли, живутъ и дѣйствуютъ неуклонно по природнымъ наклонностямъ; человѣкъ же, который одаренъ отъ Бога свободою волею, далеко не всегда слѣдуетъ своимъ природнымъ наклонностямъ. Сковорода доказываетъ, что человѣку несравненно пріятнѣе и полезнѣе слѣдовать природнымъ наклонностямъ, чѣмъ не слѣдовать имъ, не говоря уже о томъ, что онъ, слѣдуя требованіямъ своей природы, выполнить указанное ему свыше назначеніе въ жизни. Такъ какъ трудъ

по природнымъ наклонностямъ въ высшей степени пріятенъ и полезенъ, то каждый членъ общества трудился бы съ удовольствіемъ, даже съ увлеченіемъ, и никто не жаловался бы на тяжесть труда. Вполнѣ убѣжденный въ этомъ, Сковорода вездѣ и всюду въ своихъ сочиненіяхъ повторяетъ: „благодареніе Богу, что онъ сдѣлалъ нужное нетруднымъ, а трудное ненужнымъ“. Самое трудное дѣло кажется нетруднымъ, если оно совершается по природнымъ наклонностямъ.

Такимъ образомъ, Сковорода не ограничился одною сократическою дѣятельностью; онъ не только подготовлялъ появленіе національной философіи, но и самъ представилъ опытъ систематически развитаго философскаго міровоззрѣнія. Значеніе этого опыта въ области народной философской мысли отнюдь не уменьшается чрезъ то, что онъ развитъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ древне-классической философіи. Какъ было сказано, это естественный путь къ развитію самостоятельной философіи и первый шагъ къ ней. Замѣчательно, что тѣмъ же примирительнымъ направленіемъ въ философіи отличался въ Германіи Лейбницъ, который по отцовской линіи былъ славянинъ (Любенецъ) и который также питалъ особенную любовь къ древне-классической философіи съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Самъ Сковорода отнюдь не склоненъ былъ приписывать себѣ оригинальность и самостоятельность въ томъ, что написано имъ; онъ отказывается даже отъ того, что несомнѣнно принадлежитъ творчеству его ума, каковы: „Басни Харьковскія“. Въ письмѣ къ пріятелю, присоединенномъ къ „Баснямъ“, какъ предисловіе, онъ говоритъ: *„не мои сии мысли и не я оныя вымыслилъ“*. Истина есть безначальна. Но люблю, тѣмъ—мои; люби и будутъ твои. Все не наше, все погибнетъ и самые болваны наши. Одни только мысли наши, одна только истина—вѣчна, а мы въ ней, какъ яблоко въ своемъ зернѣ, сокрываемся“. Между тѣмъ, знакомясь съ сочиненіями Сковороды, мы видимъ, какъ глубоко продуманы всѣ мысли его, какъ опредѣленно и отчетливо выяснены онѣ, какимъ

своеобразнымъ языкомъ выражены и какими сильными выраженіями запечатлѣны. Какъ философъ, онъ вездѣ послѣдователенъ въ своихъ мысляхъ и ихъ развитіи. Міровоззрѣніе и слогъ достаточно обнаруживаютъ оригинальность и самостоятельность Сковороды. Рѣшеніе философскихъ вопросовъ, представленное Сковородою, таково, что, по нашему мнѣнію, и въ настоящее время не можетъ быть отброшено безъ вниманія тѣмъ, кто интересуется историческимъ движеніемъ философской мысли и будущею судьбой философіи.

Сковорода былъ не только философомъ, но и теологомъ и поэтомъ. Онъ имѣлъ право безъ тщеславія сказать о себѣ: „умираю не безчаденъ и въ семь человѣкъ похваляюся, дерзая съ Павломъ: не всуе текохъ“ („Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ“ въ рукописи).

В. А. Зеленогорскій.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ V.

Книга 24 (4).

Подъ редакціей профессоръ Н. Я. Грота и Л. М. Лопатина.

СЕНТЯБРЬ 1894 г.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Н^о.
Пименовская ул., соб. д.
1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Философія Григорія Саввича Сковороды, украинскаго философа XVIII столѣтія. (<i>Окончаніе</i>).— Θ. А. Зеленогорскаго .	281
Психологическая природа инстинкта по новымъ даннымъ экспериментальной фізіологіи. (<i>Окончаніе</i>).— В. А. Вагнера .	316
Первичныя данныя нравственности.— Влад. С. Соловьева .	361
О времени.— Н. Я. Грота .	381 <i>417</i>

Спеціальный отдѣлъ.

Сознаніе и воля.— А. А. Токарскаго .	491 <i>11</i>
Густавъ Тейхмюллеръ.— А. А. Козлова .	523
Психологія идей-силъ.— В. А. Гольцева .	537

Критика и библіографія.

I. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

	<i>Стр.</i>
C. M. Williams. A Review of the Systems of Ethics founded on the Theory of Evolution.— А. Н. Гилярова .	545
A. Binet (avec la collaboration de Mm. Philippe, Courtier et V. Henri). Introduction à la psychologie expérimentale.— В. Н. Ивановскаго .	547
L. Milhaud. Leçons sur les origines de la science grècque.— А. Н. Гилярова .	551
Новыя книги и брошюры, полученныя редакціей.	553